

В. Г. Белинский

**О характере
народных песен
у славян...**

Виссарион Григорьевич Белинский О характере народных песен у славян задунайских. Набросано Юрием Венелиным...

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2827915*

Аннотация

«...Книжка г. Венелина содержит в себе много богатых и, что всего важнее, освещенных идею фактов. Первобытная поэзия народов заслуживает особенное внимание, потому что она юна и свежа, как жизнь юноши, непритворна и простодушна, как лепет младенца, могущественна и сильна, как первое, девственное сознание жизни, чиста и стыдлива, как улыбка красоты. Это творчество истинное, бессознательное, бесцельное, хотя, в то же время, и одностороннее, одноцветное. Оно вполне, истинно и живо, проявляет дух, характер и всю жизнь народа, которые высказываются в нем непринужденно и безыскусственно. От этого произведения младенчествующих народов вечно юны и неумирающи...»

Содержание

Комментарии

Виссарион Григорьевич Белинский

О характере народных песен у славян задунайских. Набросано Юрием Венелиным...

*О ХАРАКТЕРЕ НАРОДНЫХ ПЕСЕН У СЛАВЯН
ЗАДУНАЙСКИХ. Набросано Юрием Венелиным.
I¹. Осман Шевич. Женильба Павла Плетикосы.
Москва. В типографии Н. Степанова. 1835. (118).
(8)¹.*

Изданная в 1833 году, Вуком Стефановичем, четвертая часть «Народных сербских песен» подала повод г. Венелину написать прекрасную статью, которая была помещена в «Телескопе»^[2]. Г-н Венелин издал эту статью отдельною брошюрою, под № 1, как первый приступ к целому ряду статей в этом роде, имеющих целию знакомить русскую публику с народною поэзиею задунайских славян. Намерение прекрасное и благородное! Мы так мало знакомы в этом отношении с нашими соплеменниками, что должны радоваться всякому добросовестному труду, который может обогатить нас хотя

несколькими фактами. Книжка г. Венелина содержит в себе много богатых и, что всего важнее, освещенных идеєю фактов.

Первобытная поэзия народов заслуживает особенное внимание, потому что она юна и свежа, как жизнь юноши, непритворна и простодушна, как лепет младенца, могущественна и сильна, как первое, девственное сознание жизни, чиста и стыдлива, как улыбка красоты. Это творчество истинное, бессознательное, бесцельное, хотя, в то же время, и одностороннее, одноцветное. Оно вполне, истинно и живо, проявляет дух, характер и всю жизнь народа, которые высказываются в нем непринужденно и безыскусственно. От этого произведения младенчеству народов вечно юны и неумирающи. Мы не знаем этих безыменных певцов, добродушно и безрасчетно изливавших свое чувство в минуты радости или тоски; они творили не для бессмертия, не для цели нравственной или политической, не для всех этих расчетов, корыстных и бескорыстных, которые нередко западают в кабинетные произведения, как черви вредоносные, и подъедают корень жизни художественного произведения.

Песни задунайских славян, сколько мы можем судить по образцам, предложенным автором рассматриваемой нами статьи, представляют самые лучшие данные для подтверждения этого мнения о первобытной поэзии, этого мнения, которого мы не смеем назвать своим, потому что теперь оно принадлежит всем людям с здравым смыслом и родилось го-

раздо прежде нас. Песни задунайских славян выражают всю жизнь народа, которым они созданы, так же как «Илиада» выражает всю жизнь греков в ее героический период. Прочтя их, вы не будете иметь нужды ни в описаниях путешественников, ни в пособии истории, чтобы познакомиться вполне с народом. В них вся его жизнь, внешняя и домашняя, все его обычаи и поверья, все задушевные верования, надежды и страсти. Но мы не будем слишком распространяться о песнях задунайских славян, потому что в таком случае мы невольно повторили бы все, что о них так умно, так основательно, так верно и так увлекательно высказано г. Венелиным; вместо того бросим беглый библиографический взгляд на его суждение.

Статья начинается выпискою двух песен на сербском языке с переводом на русский. Перевод сделан самим автором статьи, и сделан прекрасно. Он близок, верен, поэтичен, если можно так сказать, и русский язык нигде не изнасилован, нигде не страждет на счет этой близости. Мы были бы очень благодарны автору, если б он дарил нас чаще и больше подобными переводами песен славянских народов, которые ему так хорошо знакомы. После песен автор начинает рассуждать о характере и обычаях болгар и сербов, и особенно о их *девохищении*. Факты, сообщаемые им, чрезвычайно любопытны. Потом он выводит из них заключение о характере песен этих народов. Потом рассуждает об исторических причинах, дающих иногда тому или другому народу другой

характер, нежели какой он имел. Мысли его об этом предмете прекрасны, глубоки и подкреплены фактами. Из этого рассуждения он объясняет кровавый и мрачный характер задунайцев, отразившийся в их песнях. Характер поэзии задунайцев, по его мнению, чисто гомерический, и мы с этим вполне согласны: *героизм и юначество* — одно и то же. В заключение автор говорит вообще об *эпосе*, понимая под этим словом такого рода художественные произведения, которые создаются не каким-либо лицом, а целым народом. Вследствие этого он очень основательно отвергает художественное и *эпическое* достоинство всех кабинетных произведений, как-то: «Энеиды», «Освобожденного Иерусалима», «Генриады», «Россиады»²⁽⁷⁾ и пр., как сочинений заказных, как «нарочных трудов по части героизма»^[3]. Эта же идея привела его к рассуждению об «Илиаде», как творении самобытного и живого, созданного народом, а не каким-то Гомером. Мысль не новая, но хорошо развитая автором. Он доказывает, что *омирос* есть слово нарицательное и значит *слепца*. Прекрасно также разработана автором мысль о том, что каждый народ имеет своего представителя и его-то выводит в своих созданиях: эпосе и песнях; греки Ахилла, испанцы Дон Жуана, немцы Фауста и т. д. Герой болгаров есть *Марко Королевич*.

² Вместо которой ошибкою напечатано: «Лузиады»⁽⁷⁾.

⁽⁷⁾ Поправка Белинского необоснованна: из контекста видно, что автор имеет в виду эпическую поэму Л. Камозенса «Лузиада» (первый русский перевод, осуществленный А. Дмитриевым, — 1788 г.). См.: Ю. Венелин. О характере народных песен у славян задунайских..., с. 101.

Одним словом, статья или брошюрка г. Венелина принадлежит к тем приятным явлениям, которые у нас очень редки. Но, отдавая должную справедливость достоинствам его сочинения, мы, с тем же беспристрастием, заметим и его недостатки. Мы пропускаем, что язык г. Венелина нередко бывает неправилен и странен, что он любит употреблять слова и выражения, никем не употребляемые, как-то: «кухонность человеческого рода»^[4] и тому подобные, которых немало; все это не важно. Но нас удивили некоторые его мысли, изложенные частью в выносках, частью в прибавлениях к статье; они кажутся нам в совершенной дисгармонии с теми, о которых мы говорили выше. С трудом верится, чтобы те и другие принадлежали одному и тому же лицу. Что значит, например, эта насмешка над Гете за то, что он выдал Елену «Илиады» за немца Фауста? Неужели почтенному автору неизвестно, что есть художественные сочинения, которые, будучи неестественны, несбыточны и нелепы в фактическом отношении, тем не менее истинны поэтически? Неужели ему неизвестно, что, в творчестве, сказка или рассказ бывает иногда только символом идеи? Что за насмешка над красавицею Еленою, которую автор грозитя наказать самым славянским, то есть самым варварским наказанием?^[5] За что такая немилость? Неужели почтенный автор думает, что действующие лица в поэме должны быть всегда резонабельны, нравственны, словом, должны отличаться хорошим поведением? Неужели ему неизвестно, что самые понятия о нрав-

ственности не у всех народов и не во все века сходны? Елена нисколько не оскорбляла своим поведением жизни древних; она совершенно в духе народа и в духе времени. Ее так же смешно упрекать в безнравственности, как смешно упрекать задунайских славян в том, что они головорезы.

Потом, что это за нападки на Гердера и Гизо? И за что же? за то, что они находили дух рыцарства и героизма только в немецких племенах, а не в славянских? Странно! – Конечно, героизм, то есть непосредность, предприимчивость и страсть к кровопролитию, свойственны более или менее всякому младенчеству народу; но и самый этот героизм имеет больший или меньший круг действия. Нордманды переплывали моря и завоевывали отдаленные страны, а славяне дрались с своими соседями или друг с другом. Что же касается до рыцарства, то оно, без всякого сомнения, принадлежит исключительно одной Европе средних веков, и именно немцам. Рыцарство и героизм очень похожи друг на друга, но между ними есть и большая разница: героизм бывает почти всегда бессмыслен, а рыцарство водится идеею. Где же надо искать этой идеи? Неужели в бессмысленной резне задунайских славян с турками или кавказских племен между собою? За что же г. Венелин так сердится на Гизо и особенно на великого Гердера, что они были неуважительны к славянам? Я презираю это детское обожание авторитетов, вследствие которого нельзя сказать о Мильтоне, что он не поэт, или по крайней мере не великий поэт, и тому подобное; но

с тем вместе – против неуважительного тона к людям, оказавшим человечеству большие услуги, каков Гердер; и слова: «Гердер детствует, Гердер ребячествует» – мне кажутся неуместными^[6]. Гердер мог ошибаться, мог не знать чего-либо, но никогда он не мог ни детствовать, ни ребячиться. Нам желательно, чтобы г. Венелин, в следующих своих брошюрках, объяснился точнее насчет всех наших вопросов, тем более что эти вопросы не одними нами повторяются.

Но, несмотря на все это, мы признаем сочинение г. Венелина приятным явлением в нашей литературе, достойным прочтения людей мыслящих, уверены, что г. Венелин примет наше откровенное мнение как о достоинствах, так и недостатках его статьи за доказательство нашего к нему уважения..

Комментарии

1.

У Белинского в названии книги Венелина пропуск. Нужно: I. Сербские. Осман Шеович...

2.

Статья Ю. Венелина «О характере народных песен у славян задунайских» была напечатана в «Телескопе» (1835, ч. XXVII, № 9–11), в то время, когда Белинский, замещая уехавшего за границу Надеждина, возглавлял журнал.

3.

У Венелина: «Эти заказные вещи, эти нарочные труды по части гомеризма...» (с. 101).

4.

У Венелина: «кухонность человеческого слова» (с. 5).

5.

Имеется в виду следующее рассуждение Венелина: «Удивительно, до какой степени занимала воображение Европы эта сказочная история беглой женщины!.. Мне хотелось бы велеть высечь ее розгами потому, что во всем этом я вижу, что все греческие города были сумасбродны, если они за нее только затеяли 10-летнюю войну... Но Goethe не так рассуждал, как я, он сожалел, что такая

прелесть бежала с каким-то фригийским цыганом; он счел лучше выдать ее за немца» (с. 108–109). (Речь идет о сценах «Фауста», посвященных Елене, – ч. II, акт III.)

6.

Имеются в виду следующие рассуждения Венелина: «Не вдруг можно открыть себе ту ухватку или движение, в котором иногда действуют великие люди. Если Юлий Цесарь или Аристотель стали бы играть с кошкою..., вам невольно покажется, что бегание по комнате дело высокое. Так бывает и с прославившимися писателями, которые в свою очередь в состоянии ребячествовать» (с. 55–56). Далее Венелин применяет эту мысль к Гердеру: «Теперь господствует система скандинавомании. Сам Гердер, добрый Гердер даже вообразил себе, что героическая или рыцарская травка растет только в Скандинавии, когда говорит, что тевтонские племена отличались духом рыцарства и завоеваний, а славянские духом миролюбия. Сколько Гердер ни философствовал о человечестве, все-таки этот его приговор показывает, как он плохо знал и историю и человечество» (с. 60–61).

7.

Поправка Белинского необоснованна: из контекста видно, что автор имеет в виду эпическую поэму Л. Камозенса «Лузиада» (первый русский перевод, осуществленный А.

Дмитриевым, – 1788 г.). См.: Ю. Венелин. О характере народных песен у славян задунайских..., с. 101.